

Фантазмагория провинциальных выборов предстает в романе **«Дайте мне обезьяну»** (М., 2001; М., 2003), попавшем в шорт-лист премии «Национальный бестселлер» (2002) и вызвавшим ряд противоположных оценок от крайне уничижительной реплики Н. Елисеева «никакой не роман» (Новый мир. 2002. № 5) до апофеозной дефиниции Е. Лесина: «Что до романа, то он в целом гениален» (Книжное обозрение. 2001. 3 дек.).

В 2005 Н. пишет роман **«Грачи улетели»** (опубл. 1-я часть под названием **«Точки перегиба»**: Звезда. 2005. № 3) — ироническо-философское повествование о совр. искусстве, неожиданно ставшем «актуальным» для трех простых советских граждан. Автор ищет ответ на вечный вопрос о предназначении человека.

Н. — автор около двух десятков пьес (кроме того, в соавторстве с поэтом Г. А. Григорьевым им написано большое число радиопьес, главным образом детских). Излюбленный жанр — трагикомедия. Для драматургии Н. характерны живой выразительный диалог, пренебрежение театральными условностями, парадоксальность. Налицо желание автора реабилитировать драматургию как род литературы, ориентация не только на зрителя, но и на вдумчивого читателя; возможно, поэтому пьесы Носова охотно переиздают в различных сб. и ж. Наиболее успешная сценическая судьба у трагифарса **«Дон Педро»** (1993). Пьеса о дружбе-вражде двух совр. стариков, ищущих спасение от ужасов повседневности в простодушном и наивном мифотворчестве, не сходит со сцены с 1996 (преьера: фестиваль камерной пьесы в Челябинске — самостоятельная работа актеров Алексея Петренко и Альберта Филозова, 1996; далее: Гос. академический театр комедии им. Н. П. Акимова, СПб., 1997 и др. постановки).

По мнению В. Л. Топорова, творчество Н. «сочетает честность с забавностью, прият-

ность с серьезностью, смех со слезами в пропорции, незатейливо предлагаемой самой жизнью» («Писатель завтрашней моды», предисл. к книге «Хозяйка истории». С. 10).

Соч.: Внизу, под звездами: Рассказы и повесть. Л., 1990; Памятник Во Всем Виноватому: тексты для чтения. СПб., 1994; Хозяйка истории: роман. СПб., 2000; Член общества, или Голодное время: роман. СПб., 2000; Дайте мне обезьяну: Роман, рассказы, пьесы. М., 2001; Доска, или Встречи на Сенной: Быль-поэма с комментариями [в соавторстве с Г. А. Григорьевым]. СПб., 2003; Пьесы: Дон Педро. Путем Колумба // Драматург. 1995. № 6; Берендей // Ландскрона. СПб., 1996; Времени вагон // Ландскрона. СПб., 1997; Джон Леннон, отец // Ландскрона. СПб., 1998; За стеклом // Мастерская драматургов. СПб., 2003; Табу, актер! // Совр. драматургия. 2005. № 2; Грачи улетели. СПб., 2005.

Лит.: Топоров В. Л. Сергей Носов: еще один роман года // Смена. 1999. № 177–178; Урицкий А. Петербургский вариант // Независимая газ. 2000. № 113; Славникова О. Экспансия. Опыт обозрения актуальной книжной серии // Новый мир. 2001. № 6; Грякалов А. А., Грякалов Н. А. Человек романа, или Спаситель по-петербургски // Носов С. Член общества. СПб., 2000. С. 213–227; Ольшанский Дм. В постели с Кассандрой // Сегодня. 2001. № 36; Козлов Е. Неомифология в петербургской прозе девяностых // Звезда. 2001. № 11; Рахаева Ю. Литер-А-торы и креаторы // Известия. 2001. 8 нояб.; Григорьев Г. А. Так вот кто во всем виноват! // Смена. 1994. 30 дек.; Скидан А. [Рец. на роман «Член общества, или Голодное время»] // Новая русская книга. 2001. № 1. С. 15–18; Лесин Е. Протрезвевшие // Книжное обозрение. 2001. № 49. 3 дек.; Топоров В. Л. Сергей Носов людей не ест // Топоров В. Похороны Гулливера в стране лилипутов. СПб., 2002. С. 147–152; Друговейко-Должанская С. В. Энциклопедия петербургской жизни // Санкт-Петербургские ведомости. 2003. 24 окт.; Белокурова С. П., Друговейко С. В. Город и герой (уроки по роману С. Носова «Член общества, или Голодное время», 11-й класс) // Образ Петербурга на уроках лит-ры. СПб., 2003. С. 248–275.

Л. С. Крон

ОБОЛДУЕВ Георгий Николаевич (псевдонимы Ю. Бегаев, Юрий Созм, Егоров и др.) [7(19).5.1898, Москва — 27.8.1954, Голицыно Московской обл.] — поэт, переводчик.

Из дворянской семьи (отец, Николай Платонович Оболдуев, был предводителем дворянства г. Коврова). О. с сестрой рано оста-

лись сиротами. Воспитывала их сестра отца, а после ее скорой смерти дети оказались на попечении ее дочери. После окончания в 1916 7-й Московской казенной гимназии О. поступил на историко-филол. ф-т Московского ун-та, где проучился 3 курса (занимался в семинаре профессора П. Н. Сакулина): учеба

была прервана Гражданской войной. О. служил в Красной Армии в тяжелом артдивизионе, из которого уволился в запас. В анкете О. указывал: «с 1918 по 1922 г. в Культурно-Просветит. отделах в тылу и на фронте» (РГА-ЛИ. Ф. 596. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 186).

Осенью 1921 О. поступил на 3-й курс Высшего лит.-худож. института им. В. Брюсова (окончил в 1924). Еще с дореволюционного времени О. серьезно занимался музыкой, окончил музыкальную школу. В студенческую пору участвовал как пианист в концертах. Стихи писал с 14–15 лет, но они не сохранились. По окончании учебы стал служить лит. редактором в изд-вах: в ГИХЛе, Партиздате, Профиздате.

Несмотря на занятость, много пишет, к 1934 создает несколько стихотворных циклов. Но до печати доходит всего одно стих. «**Скачет бо-сой жеребец...**» (Новый мир. 1929. № 5).

Созданные в 1930-е стихотворные циклы «**Поэтическое обозрение**», «**Людское обозрение**», «**Живописное обозрение**», «**Устойчивое неравновесье**» сразу обнаружили оригинальность его поэтического зрения: прихотливая вязь сцен, пейзажей, картин, объединенных не сюжетно-мотивными скрепами, а вызывающе-неожиданными ассоциациями: «Еще нагибаются ветви, / Заглядывая в окна. <...> Но пылким сиянием зарева / Пышет существование города: / Стрекохут по глазам / Пулеметные очереди фонарей <...> / Тявкает в пригороде трамвай». Поэт саркастичен и гневен, когда несколькими гротескными штрихами набрасывает «людское обозрение» тех, кто живет, «не подымая век»: «Она живет на доходы мужа. / Обед посвистывает на примусе. / Повечерело настолько, что ужас / Проступает на ней без примеси. <...> / Но есть любовник молодой. / Завтра проводит с рынка. / Ощипет как курицу. Холодом / Потрагивается женская спинка».

Изысканная артистичность и блестящая образованность переплавлялись в стихах в артистизм видения: «Цитатой леса, маленькая роща / Стояла на виду...» («**Поэзия**», 1946); «Швырнув сонату клавишам, / Как солнца луч — поляне, / Я ароматом давешним / Шершавлю обонянье» («**Месяц**», 1948), становилась основой точки зрения: «И, как в серебряные блюдца / Под бегом яблок наливных, / Чужие жизни перельются / В мой жадный и горячий стих» («**Насечки**», 1947).

Любовная лирика О. так же оригинальна, как и все, им написанное. Нежность он подправляет иронией, поэтизирует всплески ревности, разбавляет пронзительный лиризм «неловкостью» ритмически-интонационных поворотов: «Ты плывешь, моя забота, / Де-

вушка моя: / Мне ни плакать неохота / Что-то, не смея... / Поскорей телеграфируй: / Встретить побегу, / Потому что жить без милой / Очень не могу. / Ничего не надо, кроме... / (Флагов над водой?) / Нет... чтоб здесь, чтоб в этом доме / Ты была со мной» («**Шомполом твоей улыбки...**», 1938).

Сохранение гражданского, человеческого, художнического достоинства перед лицом наступавшей антикультуры было для него не только поэтической темой, но судьбой: «Мы не знаем ни храмов, ни скиний, / Откровения ждет наш ковчег. / Нам и город зияет пустыней, / Потому что там выпал, как иней / Отдыханья судьбы человек» («**Жезл**», 1947).

Взгляд О. может быть подчеркнута вызывающе, даже эпатажен, переплавляясь в изоморфный стиль, но всегда мотивированный авторской позицией. Попав в такой фокус, даже тема войны звучит у О. обыденно-страшно и одновременно трагически: «Он лежал не один: шевелилось внутри и вокруг / В жизне-радостном трепете разнообразное тленье. / ...Он стал частью родимой ландшафта, земли и растенья» («**Похоронка**», 1947).

Поэт неистощим на метафорические образы, вдохновленный неистощимостью творчества самой природы. Его «повествования-обозрения» (В. Глоцер) построены как цепочка сравнений-описаний, отсутствие глаголов в которых не отменяет динамики самих картин, рождаемых «карнавальным» воображением поэта: «Добродушные своры репейников; / Шерстяные веера лопухов; / Вспыльчивые стаи крапив; / Пряные горлы дягилей; / Ситцевые куколочки мальв, / Угрюмые рюмки повилик; / Китайские зонтики анисов; / Прислушивающиеся головы подсолнечников; / Связное перестукивание камышей; / Стеариновые фарфоры водяных лилий...» В то же время поэт не претендует на непогрешимость взгляда. Недаром название раздела его рукописного сб. стало своеобразной формулой его поэтического зрения: «Устойчивое неравновесье. Внутри, вокруг и около».

Ироническая, гротескная интонация его стихов была сродни музыке любимого им С. Прокофьева.

Не имея выхода к читателю, О. участвовал в лит. жизни, читая свои стихи на «Никитинских субботниках». В изустной версии и в рукописи его циклы были известны по крайней мере поэтам. Среди его друзей С. П. Бобров, А. Пьятковский, И. А. Аксенов, К. Андреев, И. Пулькин. В начале 1930-х на «оболдуевки» в его московском доме собиралась лит. и музыкальная молодежь. Но в самом конце 1933 О. был арестован по доносу,

обвинен по статье 58 (пункт 10) УК РСФСР («за контрреволюционную пропаганду и распространение подрывных антисоветских материалов»), а именно за чтение стихов М. Цветаевой и их распространение) и с марта 1934 по 1939 отбывал ссылку в г. Медвежьегорск (Карелия), работая концертмейстером и дирижером в театре, где играли ссыльные, в их числе и профессиональные актеры из Москвы и Ленинграда.

По возвращении из ссылки О. не имел права жить в Москве и еще 13 городах, поэтому его жизнь в эти годы, как вспоминала его жена, поэтесса Е. А. Благинина, была исполнена «мытарств, поисков работы, беззащитности и неустойчивости» («Краткие заметы»). В 1943 О. мобилизовали в армию, где он прослужил до 1945: сначала разведчиком в противотанковом дивизионе (по авг. 1944), затем в запасном полку. Последствием военной контузии стала тяжелая форма гипертонии, сведшая его в могилу.

Лит. судьба О. не изменилась и после войны: «неравновесие его жизни было устойчивым» (Л. Озеров). Он продолжал интенсивно писать, но его произведения не доходили до печати. Лит. заработок доставляли О. переводы с иностр. яз. и с яз. народов СССР (грузинского, белорусского, литовского и др.). Так, в 1948 он перевел поэму А. Мицкевича «Гражина», в 1952 — главы из «Всеобщей песни» П. Неруды. Он также сочинял тексты для детских передач на радио, писал романы, либретто оперы «Василиса Прекрасная» и музыкальной комедии Г. Донизетти «Свадьба при фонарях».

В 1941–52 О. работал над романом в стихах (10 песен, 12-строчная ямбическая строфа) «**Я видел**» о жизни небогатой дворянской семьи в первые два десятилетия XX в.: «Тураев юн: ни подл, / Ни без ошибок, / Он был, как ветви ветл, / Упруг и гибок. / От аскетизма йогов / К снам Гюисманса / Бродил с пучком итогов / Не без буянства». Множество лирических отступлений органично сочетались с романной линией, даря читателю россыпь житейских и житийных наблюдений, легко и свободно вмещающихся в избранную строфу: «Один отпущен век / По жизни на нос, / Но каждый человек / Немножко Янус. / Неравновесье зыбко — / Из яви в память: / Он золото с улыбкой / Меняет на медь. / И больше жизни медь / Беречь горазд. / Хоть медь лишь помереть / И даст». По завершении романа О. делал безуспешные попытки опубликовать его.

Так в полной безвестности, в глубоком подполье, прошла жизнь поэта О. Отчаянные

интонации его поздней лирики (А. Терезин определил их как «загробные») — не лит. поэза: «Могешь ли ты: / Могу, могу / Сиреной выть в ночи „угу-у!“»

Только после смерти О. стараниями его вдовы Е. А. Благиной стихи стали появляться в газ., сб., альм. Первая поэтическая книга О. вышла в Мюнхене в 1979, а на родине — только в 1991.

Соч.: Устойчивое неравновесье / предисл. А. Н. Терезина; послесл. В. Казака. Мюнхен, 1979; Устойчивое неравновесье / сост. А. Д. Благинин. М., 1991.

Лит.: Благинина Е. А. Окна в сад. М., 1966. С. 65–82; Яновский Н. Забытый поэт: Памяти Г. Н. Оболдуева // Лит. обозрение. 1987. № 6; Озеров Л. Георгий Оболдуев. Его жизнь и поэзия // Оболдуев Георгий. Устойчивое неравновесье. М., 1991. С. 3–10; Благинина Е. А. Люблю мучителя своего все неистовее // Новая Россия. 1997. № 1, 2; Глоцер В. В. Оболдуев // Русские писатели XX в.: биографический словарь. М., 2000. С. 507–508.

К. И. Шарафадина

ОБРАДОВИЧ Сергей Александрович [2.9 (14.9).1892, Москва — 25.10.1956, Москва] — поэт.

Родился в семье обрусевшего серба (отсюда — ударение в фамилии на втором слоге), талантливого самоучки, ювелира, изготовлявшего заводные ключики к часам, книголюба и замечательного рассказчика. Мать была перчаточницей. О своем детстве поэт писал в автобиографическом стих. «**Присказка**» (1946): «Подмастерьем шестилетним / я с отцом за верстаком. / Он сказал,

С. А. Обрадович